18+

ЮРИЙ ЛИФШИЦ

Вдвоем с моим мармотом…

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СТИХИ, РАССКАЗЫ. ПАРОДИИ



Юрий Лифшиц

Вдвоем с моим мармотом… Юмористические стихи, рассказы. Пародии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29412007
ISBN 9785449034748

Аннотация

Легкий, жизнерадостный, изысканный юмор насквозь пронизывает книгу поэта и переводчика Ю. Лифшица «Вдвоем с моим мармотом…» (мармот – от фр. marmotte – сурок). В книге, с одной стороны, «смешался глас рассудка с блеском легкой болтовни», с другой – присутствует «веселость едкая литературной шутки», и все это приправлено изрядной дозой иронии. Для широкого круга читателей.В оформлении обложки использована картина голландского художника Геррита ван Хонтхорста (1590 – 1656) «Смеющийся скрипач».

Содержание

Юмористические стихи 6
Я – памятник себе 6
Улыбка сержанта 7
Баллада об ирокезе 8
Иосиф Бродский. Письмо русским поэтам 10
Современным девушкам посвящается… 13
Зажрато абсолюто 14
Ёкарный бабай 16
Размышления у мордовского депардьезда 18
Песнь о национальной идее 20
Русская поэзия. XIX век 25
Читая Чехова 28
155 сонет Шекспира 29
Этюды с выставки 30
«Когда поднимутся нанайцы…» 32
Романс глокой куздры 35
Дмитрию Быкову 37
Ну, слушай же… 39
Полталанта до бессмертья 40
«День и ночь строчит пиит…» 41
Кузнечик и Сверчок. Почти по Китсу 44
Двойная луна 45
Женские препинаки 47

Кощею-стихотворцу 48
Стихи и суп 50
Волочкова и верблюд 52
Олимпийская мочегонная 55
Продолжая Пушкина 57
Пушкины и Дантесы 59
Стишки и мужики 60
Поэтическим стрекозам 61
Жесть-окий роман-с 62
Месть командора 64
Песнь первая. Побег 64
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Вдвоем с моим мармотом… Юмористические стихи, рассказы. Пародии

Юрий Лифшиц

© Юрий Лифшиц, 2020

ISBN 978-5-4490-3474-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юмористические стихи

Я – памятник себе

Я – Ренессанс, эпоха Возрожденья,
я – Ариосто, Палестрина – я,
шедевры я творю до посиненья,
однако неизвестен никому.

Не будет жить поэзия моя,
и не войду я в пантеон нетленный,
и не узнают, видно по всему,
что я поэт и вправду ох… народный.

Не станут говорить, что несравненный
художник я, не будет, наконец,
и славы у меня международной
в грядущие века – и все, забыт.

На лысину паршивенький венец
мне ни одна свинья не водрузит.

Улыбка сержанта

Не улыбайся, Боже мой, не надо,
когда гоняют «В коечки – подъем!»,
когда пот льется бурным водопадом,
не улыбайся вечером и днем.

Не улыбайся утром, на осмотре,
и губ своих в усмешке не криви,
когда на строевой шагаем по три,
когда стираем ноги до крови.

А если спать ложимся до рассвета,
лишь одного до ужаса боюсь,
что, увидав во сне улыбку эту,
наверняка я больше не проснусь.

К улыбке той еще щепотку дуста,
чуть-чуть денатурата – и тогда,
от тараканов (чтоб им было пусто!)
на свете б не осталось и следа.

Так поневоле станешь ненормальным.
В субботу завещанье напишу.
На все пойду – на кухню и дневальным —
не улыбайся только, я прошу.

Баллада об ирокезе

Рассказывать об ирокезе,
который был немного crasy,
поскольку плавал по Замбези,
ел все подряд на майонезе,
ходил все время в затрапезе,
и, поселившись в Сен-Тропезе,
учился в тамошнем ликбезе,
все знал об электрофорезе
и кое-что об энурезе,
читал о Камбизе и Крезе,
Чезаре уважал Павезе,
ценил Паоло Веронезе,
знал в польке толк и в полонезе,
однако не любил поэзи-
ю и твердил, что будь он прези-
дент США, то Конголези-
я вся ходила бы в железе,
а после он болел амнези-
ей и послал боксеру Фрезе-
ру дерзкий вызов, но в парезе
потом валялся, и магнези-
ею лечился, втайне грезя
о виски, бренди и шартрезе,
потом он прыгал на протезе,
как вдруг снесли его в портшезе

и погребли на Пер-Лашезе, —

так вот, об этом ирокезе
рассказывать мне – хуже рези.

Иосиф Бродский.
Письмо русским поэтам

Нынче ветрено у вас. Или морозно.
Скоро осень. Или дней весенних завязь.
Я хочу у вас спросить вполне серьезно:
что вы к этим «римским письмам» привязались?

Может, ритм заворожил меня подспудно
иль в тот раз не повезло с парнасской клячей.
Мне теперь отлично видится отсюда:
со стишком я этим явно напортачил.

Почему лишь до колена «тешит дева»?
«Дальше локтя» не идут лишь от бессилья.
Написать я написал, но, было дело,
мы и дальше, мы и глубже заходили.

И «вне тела» я ошибся, несомненно.
Сам тогда, видать, в запарке был любовной.
Ведь привычная телесная измена
начинается, как правило, с духовной.

А с солдатом и купцом – судите сами —
мысль казалась мне глубокою когда-то.
Но внушать, что дни сосчитаны не нами,

для философа, конечно, мелковато.

Бог не фраер, ибо курица не птица, —
сказанул я в полемическом дурмане,
но ведь ежели в Империи родиться,
то достанет Цезарь и в тмутаракани.

От него в дому не скрыться, как от вьюги,
не свихнуться, не уйти в себя, не спиться.
Если ж есть в стране наместники-ворюги,
все они – без исключенья! – кровопийцы.

И еще там неувязочка: патриций
снять за «так» хотел античную шалаву.
Но гетера – не советская девица,
спать с которой можно было на халяву.

И теперь, проживший обе половины,
не скажу, что речи варвара «в законе».
Остаются не всегда одни руины:
взять хотя бы Капитолий в Вашингтоне.

И по жрице я прошелся неумело —
ради красного словца иль шутки ради.
Иль не все они торгуют белым телом?
Иль не все жрецы с политиками – б…и?

И последнее. Прошу вас в самом деле
бросить плач по мне рифмически-сиротский.

Ваши вирши всем давно осточертели.
Отвяжитесь наконец. Иосиф Бродский.

А в **P.S.** я заявляю без ухмылки
тем, кто бродит в эпигонских эмпиреях:
не дышите в посторонние затылки,
а чешите лучше свой. Оно вернее.

Современным девушкам посвящается…

Я повстречал тебя, прелестное созданье,
тебе я был готов хоть жизнь свою отдать,
и, услыхав мое несмелое признанье,
зарделась ты в ответ, сказав: «Е… дрена мать!».

Я понял: ты – моя, и это мне не снится,
шептал тебе в бреду о счастье двух сердец,
а ты, моя любовь, души моей царица,
раскрыв уста свои, промолвила: «П… ипец!».

Минула ночь любви, но не прошло желанье
еще тебя ласкать, в твоих объятьях млеть…
И ты, мне подарив прощальное лобзанье,
сказала у дверей: «Все было – ох… ренеть!».

С тех пор прошли года, и мы давно женаты,
счастливой чередой бегут за днями дни.
И говорит сынок, что мы живем п… дато,
что мама – за… шибись, что нет в семье х… ерни…

Зажрато абсолюто

зажрато абсолюто
едросо медвепуто
вывозито валюто
офшоро оп-ца-ца

прохоре ворнаворе
кремлино мониторе
в запоре без моторе
мобиле ёп-ца-ца

жирино психопато
хамито депутато
за хайры оттаскато
мадам под оп-ца-ца

мироне друг путино
ни мясо ни рыбино
мозгито десантино
забито в жоп-ца-ца

зюгано сталинелло
убьёто за портфелло
бывалло единелло
с едросо оп-ца-ца

кого же выбирато
бандито воровато
послать бы в кватро марто
их всех на оп-ца-ца

Ёкарный бабай

С детства маманя пугала меня Бабаём:
«Ты не ходи в темный лес ни одна, ни вдвоём.
Встретит Бабай и сейчас же потащит в кусты.
Не пощадит он твоей молодой красоты».

Припев:

Ёкарный Бабай, чудище лесное,
Где, в каких краях встретимся с тобою? (*Два раза*)

Мне так хотелось увидеть того Бабая.
В лес и, конечно, с сестрою отправилась я.
Ждем не дождемся, когда нас потащат в кусты…
Мама родная, неужто лукавила ты!

Припев.

Мы всё сидим, а уж солнышко скрылось за край.
Вдруг из кустов появился какой-то Бабай,
Глянул на нас, заорал и – обратно в кусты,
Видно, совсем ошалел от такой красоты.

Припев.

Долго с сестрой мы гонялись за тем Бабаём,
По лесу гнали его мы и ночью, и днем.
Месяц в лесу провели без еды и питья —
Не удалось изловить Бабая… нипочем.

Припев.

Размышления
у мордовского депардьезда

Я расскажу, мадам, месье,
вам об актере Депардье
Покинув Францию свою,
приехал он в Мордовию.

Жерар явился Депардей
поесть блиней из рук бл. дей.
Возглавить может Депардьи
культур-мультур Мордовии.

Он водку пьет, он морды бьет,
он обкультурит* свой народ.
Сказав отечеству «адью»,
Барде пример дал Депардью.

Брижит с фамилией Барда,
седоволосая мадам,
попасть решила в наш дурдом
вслед за мордовским Депардьём.

У нас едва ль жила досель
такая, как Брижит Бордель.
Она не прочь французский сук

срубить, лелея псов и сук.

Потом заявится Делон,
тот, что не пьет одеколон,
потом – Каас Патрисия,
каких в Париже до фига.

Марина Влади к нам без слов
притащится с Катрин Денёв.
Когда ж приедет Миттеран —
отправим всех в Биробиджан!

* **Вариант:** измордует

Песнь о национальной идее

Шукают все кому не лень,
о благе россиян радея,
мозги свернувши набекрень,
национальную идею.

И референт, и бизнесмен,
и дистрибьютор, и чиновник
мечтают нас поднять с колен,
чтобы поставить поудобней.

И каждый мелет языком
о диспозиции локальной,
но каждый первый незнаком
с идеею национальной.

Когда бы ведали они,
что, если заглянуть в мага́зин[1],
то нацидеи[2] искони
на каждой полке – словно грязи.

А понимающий народ,
который зря не точит лясы,
по полкило ее берет
иль половину этой массы.

Коньяки[3], граппы, вискари,
по крайней мере, не слабее,
но кто там что ни говори,
в них нету никакой идеи.

Когда ж у нас плешивый Herr[4]
давал идею на талоны,
то разнесли СССР,
хоть были против миллионы.

И мусульманин, и еврей,
и друг степей, когда-то дикий,
все нагрузились до бровей
идеей нашей белоликой.

Есть и у нас иная прыть,
мы ничему не кажем дули:
мы можем салом закусить,
хватив «07» «Напареули».

Однако, ежели принять
на грудь стакан идеи нашей,
не сможет никакая дрянь[5]
именовать Россию Рашей!

И даже тот, кто тянет в рот
«Тенуте Солета Киянос[6]»,

порой с устатку шибанет
среди своих по сотне на нос.

И что ему тогда Давос,
что этот Брисбен кенгуриный!
Замочит он любой вопрос,
шарахнув трижды по единой.

И дивный новый русский дом
восстанет, словно Галатея,
а жирный западный кондом
помрет от зависти шизея[7].

А то ведь «Русь – жена моя», —
сказал поэт на всю округу,
но если сил нет ни черта[8],
то незачем винить супругу.

А тут и силы вроде есть
и деньги, пусть и в оффземшаре[9],
а главное – идей не счесть,
хоть все и в крупном перегаре.

Пусть не сложился коммунизм
(видать, идеи не хватало),
но гадский империализм
ужо получит по сусалам!

Ужо похерим на века
мы доу-джонсовскую моську,
ужо посмотрим свысока
на бивалютную авоську.

Россия станет как ковчег
среди вселенского потопа,
а каждый русский имярек
не скажет: «Наше дело – .опа[10]!»

Поэты, сбегав на Парнас,
о нашей славе сложат руны…
На добрый пир и в добрый час
зовут нейлоновые струны!

Примечания

1. Неверное ударение не выражает неграмотности автора.

2. Сложносокращенное слово выражает умение автора пользоваться сложносокращенными словами.

3. Смена ударения выражает уважение автора к великому кинорежиссеру Э. Рязанову.

4. Иностранное слово выражает языковую осведомленность автора.

5, 8. Отсутствие рифмы выражает законопослушность автора.

6. Зарубежные слова выражают умение автора гуглить интернет.

7. Отсутствие знаков препинание в строке выражает сомнения автора.

9. Неологизм что-то выражает.

10. Грубое слово выражает не более того, что оно выражает.

Русская поэзия. XIX век

Люблю я, братцы, с утреца,
еще до первого окурка
и до умытого лица,
открыть балладу полутурка[1];

а после сих блаженных строк
под флером утреннего глянца
принять язвительный стишок
сердитого полуирландца[2];

а днем остановить свой взгляд
на синей сфере небосклона
и тут же рухнуть напропад
в живые строфы окторона[3];

а ввечеру, уняв бедлам
непрошенных телепосланцев,
внимать заоблачным мирам
потомка доблестных шотландцев[4];

а на ночь, перед самым сном,
укрывшись пледом потеплее,
себя баюкать миражом

усталого полуеврея[5].

Комментарии

1. В. А. Жуковский. Его матушкой была пленная турчанка Сальха, подаренная его батюшке А. И. Бунину. Василия Андреевича, ставшего плодом этой незаконной связи, по просьбе Бунина, усыновил живший в имении бедный белорусский дворянин А. Г. Жуковский.

2. П. А. Вяземский. Его матушкой была ирландка Дженни О'Рейли, на которой женился его батюшка А. И. Вяземский. Для Д. О'Рейли это был третий брак.

3. А. С. Пушкин. Его прапрадедом. был «арап Петра великого» эфиоп Ганнибал. Александр Сергеевич был эфиопом (негром) на 1/8 часть (октороном).

4. М. Ю. Лермонтов. Его предком былпоручик польской армии шотландец Георг (Джордж) Лермонт (ок. 1596—1633), взятый в плен русскими при захвате крепости Белая. После чего Г. Лермонт поступил на службу к царю Михаилу Фёдоровичу. Михаил Юрьевич знал об этом, но ему нравилось считать себя потомком полумифического шотландского барда Томаса Лермонта. В 2007 году одна британская организация пригласила потомков Лермонта и Лермонтовых пройти экспертизу по ДНК, дабы определить достоверность родства. Чем закончилось сия затея, мне неизвестно.

5. А. А. Фет. Его батюшкой был Иоганн-Петер-Карл-

Вильгельм Фет (Фёт); матушкой – Шарлотта-Елизавета Беккер. Воспитывал Фета его отчим А. Н. Шеншин. По слухам, Афанасий Афанасьевич имел еврейские корни, весьма тяготился своим происхождением, а бумагу, раскрывающую все тайны, велел похоронить вместе с собой.

Читая Чехова

Улица в ночи, фонарь, аптека,
сказывают эпос гусляры,
и поют для австралопитека
дядя Ваня, чайка, три сестры.

Если ж рухнет мир, то для начала,
сны твои лелея, зашумят
шневый сад, медведь.
чайка, три сестры, вишневый сад.

А когда придет Галилеянин,
чтобы, не гадая, умереть,
вознесутся на аэроплане
три сестры, вишневый сад, медведь.

155 сонет Шекспира

Галмите тех, кто галмится в глине,
кто любокрынь ломотит скролыма,
кто не брюхонит бряку в прохыдне,
кто не блокатит оболня с бульма,
кто не разбондит судорный тындях,
кто неокрынный вычмит обельдок,
кто не обаймит чуморный впутьмах,
но искандербит дракство на чудок.
И я болгастый пристеню обстень,
чтобы награнить нугренный колбаст
и чтоб надрыгать шмудрый опупень,
когда нашкугрит одрый шкурдопласт.
Галмите тех… но гламкостная брядь
мне скролымя ломотит любокрядь.

Этюды с выставки

Художникам Энска посвящается…

Этюд, этюд, еще этюд,
еще этюд – и вот
Шурум Буруев (город Энск)
рисует натюрморт.

Меня на выставку зовут,
вот я туда пришел:
везде этюд, сплошной этюд —
и мне нехорошо.

И думал Буруев, натю́рморт пиша:
этюд обалденный, и жизнь хороша!

Этюды сплошь – едва дышу,
шизеют землячки,
по экспозиции брожу,
пытаюсь снять очки.

Неправда, что на перевод
я силы берегу,
но восьмисотый натюрморт
я видеть не могу.

Но думал Буруев, мне зренье круша:
этюд офигенный, и жизнь хороша!

На выставке аплодисмент,
поют этюдам гимн,
Буруев шествует ко мне
за мнением моим.

Мне не уйти – он парень свой,
знакомы мы давно.
И как тут скажешь – Боже мой! —
что натюрморт… неплох.

И молвит Буруев, мне в ухо дыша:
этюд распрекрасный, и жизнь хороша!

Он говорит – упрямый, черт! —
Я вижу: быть беде.
Скажи им всем, что натюрморт
великий и т. д.

Вот он подвел меня к стене,
шампанского налил,
предоставляя слово мне,
чтоб я его хвалил.

И я распинался, мозгами шурша:
этюд гениальный, и жизнь хороша!

«Когда поднимутся нанайцы…»

Когда поднимутся нанайцы,
когда поднимутся лапландцы,
когда пойдут гиперборейцы
войной за родовую честь,
они возьмутся за евреев
и за цыган они возьмутся:
свои евреи и цыгане
и у нанайцев тоже есть.

Когда поднимутся шотландцы,
когда взовьются альбигойцы,
когда сберутся каталонцы
отмщать за вековой разлад,
они хазарам всыплют перцу,
они древлянам всыплют перцу,
зане хазары и древляне
всю каталонщину мутят.

Когда поднимутся этруски,
когда восстанут массагеты,
мы скифы, скажут, азиаты,
а вы арийцы – дикари,
они своих же печенегов,
своих же половцев родимых
начнут мудохать по-этрусски

и от души, и до зари.

Потом поднимутся ацтеки,
восстанут инки, выйдут майя,
достанут комплексы С-300
и на Европу наведут:
ведь у ацтеков золотишком
та поживилась, даже слишком,
и коль грабителей ограбят,
тогда ЕС придет капут.

Потом восстанут гамадрилы,
потом поднимутся гиббоны,
потом пойдут орангутанги
на человека самого,
чтоб человек не смел поганый
происходить от обезьяны,
ведь если он и происходит,
то неизвестно от кого.

Потом пойдут неандертальцы
на питекантропов толпою,
когда синантропы затеют
друг друга бить в краю родном.
И будут австралопитеки
варить борщи в библиотеке,
пока не скроются навеки
в тумане моря голубом.
Но это уже будет совсем другая история…

Романс глокой куздры

Глокая куздра штеко кудланула бокра и курдячит бокренка.
Академик Щерба

Припев:

Глокая куздра горько бабачит,
глокая куздра кычет навзрыд,
куздра бокренка штеко курдячит,
а у самой-то сердце щербит.

«Я бы не стала курдячить бокренка,
я б и бокра кудлануть не смогла.
Как это – руку поднять на ребенка?
Да я и штекой была не со зла».

Припев:

Глокая куздра горько бабачит,
глокая куздра кычет навзрыд,
куздра бокренка штеко курдячит,
а у самой-то сердце щербит.

«Лучше попасть на голодную львицу,
лучше отдаться бокру без борьбы,

чем у Щерба на пере очутиться,
чем отвечать за базары Щербы».

Припев:

Глокая куздра горько бабачит,
глокая куздра кычет навзрыд,
куздра бокренка штеко курдячит,
а у самой-то сердце щербит.

Дмитрию Быкову

Вы у нас мудрее год от года,
все у Вас румяней и белей.
Полюбите Вашего народа
всею звонкой силою своей.

Не взирая, никому в угоду,
взбалтывая рифменную взвесь,
обнимите Вашего народа
тут, где Ваш народ, по счастью, здесь.

И, бредя по воду, зная броду,
писучи, как все по городам,
уважайте вашего народа
все, где Ваш народ, к несчастью, там.

Дмитрий Быков, это не насмешка:
рюмка в горле комом – не горшок.
Вы же не желаете, помешкав,
там, где Ваш народ, на посошок.

Вы же не желаете по ходу
презревать не грошевой уют.
Что Госдума Вам, а что народу
там, где Ваш народ, по счастью, тут?

Вы же не осядете, не так ли,
В Эльдорадe или в Катманде,
чтобы напирать на рифму «шмакля»
там, где Ваш народ известно где.

Так не выходите на дорогу,
бросив не кошерные рубли.
С Вами Ваш народ и слава Богу[1]
в старомодном ветхом «Жигули».

А когда не выйдя, может статься,
на другой газетной полосе,
Вы уже не спрячетесь за «Стансы»
там, где Ваш народ, к несчастью, все.

Оставайтесь там же год за годом,
и сказать Вы сможете зато:
«Был и я тогда с моим народом
там, где мой народ известно что».

1. Вариант: «С Вами Ваш народ идет не в ногу».

Ну, слушай же…

Из беседы современных музыкантов.

Моцарт. Ну, слушай же.

(*Играет*.)

Сальери. Ты с этим шел ко мне
И мог остановиться у трактира
И слушать скрыпача слепого! – Боже!
Ты, Моцарт, недостоин сам себя.
Моцарт. Что ж, хорошо?
Сальери. Не слабо так в начале
Связующей шарахнуть невзначай —
Минором, да к тому ж одноименным!
Моцарт. Люблю мажор-минором поиграться —
В кларнетовом квинтете, например.
В связующей минорные заезды…
Сальери. Где ты идешь скорее в ми-минор…
Моцарт. … а не в мажор, дают возможность мне
Побочную слегка переокрасить
Мажор-минорно, чем и создается
Очарованье этого куска.
Сальери. Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь…

Полталанта до бессмертья

«Вам полталанта не хватает до бессмертья —
хотите верьте мне, хотите мне не верьте.
Вас часто приглашают выступать в концерте,
но полталанта не хватает для бессмертья».

«Вам полталанта не хватает до бессмертья.
Пусть гонорары присылают вам в конверте,
но вы бессмертье гонорарами не мерьте.
Вам даже смерти б не хватило для бессмертья».

«День и ночь строчит пиит…»

Христос воскрес. А вы боялись.
Д. Быков. Пасхальное

Но в ту весну Христос не воскресал.
М. Волошин. Красная Пасха

День и ночь строчит пиит,
потому что есть кредит,
потому что для работы,
потому что не болит.

Не болит, не ноет грудь,
но витии не вздремнуть:
еженощно измышляет,
как лягнуть кого-нибудь.

Гонит он свою струю
под стену, известно чью:
надо же отлить куда-то
гуглецистику свою.

Ну, а может, тут любовь?
Сколько ведь не суесловь,
но она ведь не картошка,
не петрушка, не морковь,

не редис, не пастернак,
не иной какой-то злак.
Вот поэт и не ложится,
как последний Пастернак.

Вирш за виршем гонит он,
потому что он влюблен,
а объект не замечает,
что извелся виршегон.

Он вещает там и тут,
но объект на редкость крут:
может повести ресницей —
орден к полднику скуют.

А пойдет иная нить —
может часом зашибить.
Между тем не замечает
поэтическую прыть.

Может, на какой-то срок
схоронить айпад в сапог?
Может, заодно с народом
побезмолствовать чуток?

Но молчать никак нельзя, —
у пиита есть друзья.
И они талант имеют

словонедержания.

Не майдайнщики оне,
здесь майданы не в цене.
Бульвардье они всего лишь
в нашей русской стороне.

Замолчишь – пинков под зад
надают, забьют в набат.
Будешь век торчать в набате,
коль пинками угостят.

Знать, поэт и гражданин
сам себе не господин
и орешки не простые
будет щелкать до седин.

Вот он вирши и строчит,
недолюбленный пиит.
От любви еще не помер
ни единый индивид.

Кузнечик и Сверчок. Почти по Китсу

Не умертвить поэтов от сохи:
рассветные лучи и птичий грай,
студеный ветер и веселый май,
цветы и звезды, дом и лопухи, —
Кузнечик рад всему. Кроит стихи
он из всего на свете, что ни дай:
подземный ад или небесный рай,
любовь или возмездье за грехи.

Не истребить поэтов от станка:
что ни случись – потоп или пожар,
крушение надежд или машин, —
идет стихо-творение Сверчка,
а вместе с ним поет на весь амбар
Кузнечик от зари и до седин.

Двойная луна

Россия лишилась покоя и сна:
взошла над Россией двойная луна:
как две полусферы, как сфера двойная,
одной половиной в другую врастая.

Ни солнце теперь не является нам,
ни звезды не всходят теперь по ночам.
Пропали приливы,
пропали отливы,
и лунные фазы
невидимы глазу.
Мы стали единственной в мире такою
страною с одною луною двойною.

Народ очарован светилом двойным,
политик восторженно ходит под ним,
философ твердит о блаженстве двояком,
астролог удачу сулит зодиакам,
военный мечтает о лунной войне,
поэт вдохновеньем исходит вдвойне,
телекомментатор снимает сюжеты,
ученый к луне направляет ракеты,
Госдума в нее забивает бюджет…
Один лишь мальчишка шести-семи лет
воскликнул, не глядя в нутро телескопа:

«Смотрите, какая огромная ж..а!»

Женские препинаки

Дамы – это сплошные ошибки,
грамматический переполох:
вопросительных знаков улыбки,
двоеточий случайных подвох,
многоточий никчемные строчки,
запятых и тире кавардак…

А довольно единственной точки
на мужской восклицательный знак!

Кощею-стихотворцу

Есть в интернете сайт неброский,
златой контент на сайте том,
но день и ночь поэт Небродский
по сайту ходит с колуном.

Идет направо – песнь угробит,
налево – сказку умертвит,
порою лешего уроет,
порой русалку порешит.

В своей прокуренной сторожке,
прикончив пару пузырей,
глодает наспех курью ножку,
чтоб сайт пометить поскорей.

Его глаза видений полны,
и катятся пивные волны
на мозг засохший и пустой,
и сотни отзывов дурацких
и рассуждений верхоглядских
он отправляет в мир иной.

В кого-то плюнет мимоходом,
в кого-то вцепится зазря,
а кой-кого пред всем народом,

через леса, через моря,
бранит ни свет и ни заря.

А между тем живет, не тужит,
затем что с головой не дружит,
и, Бабой становясь Ягой,
со всеми ссорясь день-деньской,
в своем углу медвежьем чахнет
и непечатным словом пахнет.

В сети я был и в Гугл ходил,
и забредал на сайт неброский,
где ночь и день поэт Небродский
свои турусы разводил.

Боюсь, теперь за сказку эту
кощей сживет меня со свету.

Стихи и суп

Изготовление стихов
сродни приготовленью супа.
Возьми мясную мякоть вкусных слов
и на куски порежь не слишком скупо.

Когда вскипит поэзии бульон,
капусту страсти и картошку смысла
бросай туда, следя за тем, чтоб он
в твоей кастрюле не переварился.

Болгарский перец рифмы отыщи
и нашинкуй его до миллиметра.
Небрежно зарифмованные щи
принудят тех, кто съел, бежать до ветра.

Созвучьем поперчи и посоли
и не забудь иронии приправу,
а пересолишь, переперчишь ли,
не завоюешь кулинара славу.

Не отходи от творческой плиты,
колдуй сивиллою дельфийской,
вари стихи своей мечты.
Что ж, суп готов. Как счастлив ты!

Хлебай, поэт… О, чтоб ты подавился!

Волочкова и верблюд

На просторах единой России
Божьи непостижимы пути,
если вздумалось Анастасии
по-большому в Госдуму пойти.

Были Настины сборы недолги:
стринги в сумку – и на самолет.
Не с Кубани звезду и не с Волги —
из Москвы в Оренбуржье несет.

В нашем неокультуренном Орске,
коротать ей взбрело вечера
не банальной игрою в наперстки,
но «Симфонией» с кучей «добра».

Был куриным бульоном без соли
балерины разбавлен визит,
а потом со скотиной в неволе
познакомиться прима спешит.

Наблюдая гламурное счастье,
бил в ладоши восторженный люд:
с Губернатором встретилась Настя,
и остался доволен верблюд.

С этой новостью первополосной
журналисты словили кураж.
Ну а главный редактор Сосновский
предвкушал, что удвоит тираж.

Но пока на шпагат Волочкова
приседала и этак, и так,
заместителя мэра Шаблова
натурально пробил головняк.

«Не редактор он, а терминатор,
и в газете полнейший разброд:
кто верблюд там, а кто губернатор,
перепутает глупый народ.

Не редактор, а главный вредитель,
но меня не возьмешь на испуг».
И главы городской заместитель,
как всегда, стуканул в Оренбург.

Дело там порешали по-свойски:
позвонила какая-то клерк,
чтобы с этим невежей Сосновским
нипочем договор не продлять.

Быть в России простой Волочковой
и в Госдуму переть недуром —
не в провинции жить бестолковой
негламурным пером и трудом;

не с верблюдом водить шуры-муры,
не вставать на шпагат там и тут,
не доказывать из-за цензуры,
что редактор ты, а не верблюд.

Олимпийская мочегонная

Ничего нам вашего не надо:
ни соревнований, ни наград.
Не пустили на Олимпиаду —
отнимите и Чемпионат —

мундиаль футбольный – нам не нужен
недостроя питерский размах.
Нынче нас они сажают в лужу,
а потом мы сядем в «Лужниках».

Что с того? Чемпионат России
выиграть ведь тоже нелегко.
Как бы за бугром ни голосили,
нипочем не выдадим Мутко.

Мирно спи, Леонтьич, ты в законе;
ноу криминалити, Виталь.
Что такое, в сущности, мельдоний,
если под него дают медаль?

Хоть залей в глаза ему канистру
жидкости, журчащей в детских снах,
сроду не покажутся министру
мальчики писучие в глазах.

И пускай таинственный Нагорных
принял отпущенье, словно крест,
час пробьет – и всех волков позорных
мы уроем в WADA и окрест.

У святых работников РУСАДА,
как ты их в сортире ни мочи,
ради золотого звездопада
хватит мочи для любой мочи.

Как бы нас ни пачкал экскрементом
еврамериканский агитпроп,
если скажет Родина – моментом
мы намочим миллионы проб.

Пусть от золотых чужих героев
мы зальемся собственной слюной,
но зато умоем козлодоев
всероссийской мощною струей.

Продолжая Пушкина

«Бог веселый винограда
Позволяет нам три чаши
Выпивать в пиру вечернем.
Первую во имя граций,
Обнаженных и стыдливых,
Посвящается вторая
Краснощекому здоровью,
Третья дружбе многолетной.
Мудрый после третьей чаши
Все венки с главы слагает
И творит уж возлиянья
Благодатному Морфею».

А когда, навозлиявшись,
он возляжет для Морфея,
бог его отринет с ложа
и воскликнет: «Нечестивец!
Обоняния не тешит
дух, отнюдь не ароматный,
что твоя сегодня полость
ротовая испускает.
И к тому же ты возду́хи,
не похожие нисколько
на амброзию и нектар,
то и дело исторгаешь

полостью не ротовою.
А вдобавок ты на ложе
к самому идешь Морфею
неподпаленной свиньею,
чью не умастил ты шкуру
маслом розовым и миром,
ибо термы миновал ты,
возжелав моих объятий.
Так изыди, беззаконник!
Пусть тебя сегодня любит
бог бессонницы ледащей,
брат похмельного синдрома».

Пушкины и Дантесы

К пустякам не чуя интереса
Я хочу в историю войти,
Боже правый, помоги Дантеса
Повстречать на жизненном пути.
Алиса (Ирина) Деева

Чтобы не смущал вас мелкий бес,
вы держите ушки на макушке:
может выйти и на вас Дантес,
но из вас не может выйти Пушкин.

Стишки и мужики

Ах, эти девичьи стишки!
Они – особенное что-то.
Их простодушные грешки
подкреплены слезливым фото.

Но странно видеть мужика,
который с девичьим азартом
венчает плачущим клип-артом
финал банального стишка.

Поэтическим стрекозам

Они такие милые, когда просят… А потом ужасно счастливы. Вот и нельзя отказать.
Марлен Дитрих

Немало поэтических стрекоз
поют и плачут – и не без причины.
А потому что – где они, мужчины?
А на иных – и не взглянуть без слез!
И ошалев от одиноких грез,
виршетворят несчастные фемины,
когда подхватят, трезвые в дымину,
стихоподобный авитаминоз.

Но, несмотря на простатит и проседь,
мужчина прав, когда мужчина просит,
а если не дает иная – глядь:
старушечья зима не за горами,
и остается истекать стихами,
когда уже нельзя ни дать, ни взять.

Жесть-окий роман-с

Позабыты Фет и Пастернак,
позабыты проза со стихами,
только не могу забыть никак
поэтессу с карими глазами.

С нею повстречались мы в сети,
обоюдно вспыхнули, как пламя,
и пришла ко мне часам к шести
поэтесса с синими глазами.

Было все: кино и ресторан,
и объятья жаркими ночами,
но крутила и с другим роман
поэтесса с серыми глазами.

Вынул он свой черный триолет,
я сражался голыми стихами,
но вонзила в спину мне сонет
поэтесса с черными глазами.

Я в словах валялся, недвижим,
рифма из меня текла ручьями,
и ушла с соперником моим
поэтесса с красными глазами.

И хотя остался я живой
в этой нелитературной драме,
обхожу теперь я стороной
поэтессу с желтыми глазами.

Месть командора
фаллада-шутка

Песнь первая. Побег

В плаще, со шпагой и гитарой,
Несется дон Жуан в Мадрид
И думает: «Твою едрит!
Прочь из севильского кошмара!

Уж лучше быть в Мадриде пылью,
Чем слитком золота в Севилье:
Ни карт, ни танцев, ни коррид,
Какими так богат Мадрид.

А эти чопорные донны,
А доннам приданные доны,
А толку от севильских донн
Немного – как от верных жен,
Что гульфик жмут одной рукой,
Зажав распятие в другой.

Да и не видел я приличных:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.